

Энговатова А.В., Тарасова А.А.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН),
ул. Дм. Ульянова, д.19, Москва, 117292, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ САНИТАРНОГО ХАРАКТЕРА НА ЭТАПЕ ПОЛЕВЫХ РАБОТ

Введение. При выборе стратегии учета человеческих останков в обнаруженных на территории детинца Ярославля коллективных захоронениях санитарного характера на этапе полевых работ, мы обратили внимание на отсутствие специальной терминологии для маркировки встречающихся в них костяков частичной сохранности, отдельных сегментов скелета и скоплений костей. Использование применительно к останкам такой комплектности и вида депонирования принятых в отечественной археологии условных обозначений, таких как «индивид» или «костяк», приводит к ряду проблем. В конечном счете, это является причиной существенных потерь в информативности антропологического источника для биоархеологических и исторических реконструкций.

Материалы и методы. На основании анализа описаний коллективных захоронений жертв монгольского нашествия в археологических отчетах с учетом опыта зарубежных исследователей массовых погребений XX в. предложена оригинальная методика регистрации человеческих останков различной комплектности. Апробация методики описана на примере исследования (2008, 2020 г.) коллективного захоронения 1238 г. в археологическом объекте «сооружение № 60» на территории детинца средневекового Ярославля.

Результаты. Для решения вопроса о методе регистрации останков разной комплектности мы обратились к археологической практике разделения индивидуального и массового материала. Как и для индивидуальных археологических находок, для учета «индивидуальных антропологических находок» предлагается ввести полевую опись, в которой они будут пронумерованы и описаны с указанием комплектности («вида» депонирования), локализации и положения *in situ*. Использование сквозной нумерации подразумевает общее наименование нумеруемого объекта, которым может быть название, аналогичное принятому для индивидуального материала в археологии, – «индивидуальная антропологическая находка».

Заключение. Применение предложенного метода позволит точнее описывать положение и комплектность антропологических материалов в массовых захоронениях санитарного характера или коллективных погребениях, разрушенных вследствие антропогенных или иных факторов, и содержащих переотложенные останки. Тщательное описание и максимальная «персонификация» при таком подходе будут способствовать реализации палеоантропологического материала как источника для биоархеологических и исторических реконструкций. Это отвечает современному контекстуальному подходу в археологии, нацеленному на комплексное изучение общностей прошлого исходя из анализа всех открываемых в ходе раскопок видов источников.

Ключевые слова: массовые захоронения; коллективные погребения; санитарные погребения; индивидуальные антропологические находки; останки; контекстуальный подход; биоархеологические реконструкции.

Введение

В нашей стране коллективные захоронения, как и другие типы погребений, возраст которых равен или превышает 100 лет, исследуются исключительно методами археологии с участием палеоантропологов и, не часто, судебно-медицинских экспертов, привлекаемых на стадиях изучения скелетированных человеческих останков в лабораторных условиях. Так как подобные памятники встречаются в большинстве исторических эпох и широко распространены на территории современной России [см., например, Халиков с соавт., 1966; Хлобыстина, 1982; Смирнов, 1991, 1997; Энгватова с соавт., 2009; Бужилова, 2010; Шведчикова, 2018; Сиротин с соавт., 2019], их описания достаточно часто встречаются в публикациях археологов и палеоантропологов. Внимательное рассмотрение некоторых статей и отчетов о раскопках коллективных захоронений привело нас к выводу о том, что принятые в отечественной археологии методы учета человеческих останков (а именно их условное обозначение как «индивид» или «костяк») подходят не для всех типов таких могил. Терминологически неверным является обозначение «индивид» или «костяк» для регистрации различных сегментов скелета (будь то верхняя, нижняя, правая или левая часть костяка, кости конечностей в анатомическом сочленении и др.) или скоплений разрозненных костей, часто встречающихся в коллективных погребениях санитарного характера. На практике это приводит к неправильному представлению о количестве погребенных человек, запутывает или является причиной неоправданного упрощения описания захоронения, затрудняет применение методов молекулярно-генетической экспертизы и анализа изотопного состава костной ткани и интерпретацию их результатов, и, в общем, ведет к существенным потерям информативности антропологического источника для биоархеологических реконструкций.

Специализированные стандарты учета в полевой документации костей в коллективных захоронениях санитарного характера, на наш взгляд, будут полезны также при работе археологов с нарушенными (содержащими перемещенные или переотложенные в результате природных процессов или антропогенного воздействия останки) коллективными погребениями.

Материалы и методы

В современной археологической и антропологической литературе можно встретить различные термины, употребляемые в отношении неодинокных захоронений, в которых представлены останки более двух (или трех)¹ человек. Упомянуты такие названия как групповые, коллективные, массовые, множественные, общие, совместные погребения, костницы, скудельницы, братские могилы. Отмечается, что как в археологической, так и в антропологической справочной и учебной литературе определения этих понятий до сих пор четко не очерчены, они применяются с различными значениями или же могут употребляться как синонимы вследствие отсутствия четких дефиниций [Смирнов, 1997, с. 19-22; Рафикова, 2008, с. 22; Методика работы с палеоантропологическими материалами ..., 2020, с. 48].

Данная статья посвящена изучению лишь одного «подтипа» неодинокных погребений – коллективным захоронениям, имеющим санитарный характер, к которым, на наш взгляд, относится объект нашего исследования – погребение на территории детинца средневекового Ярославля в археологическом объекте «сооружение № 60», датированное 1238 г.

Термин «коллективное захоронение» употребляется здесь в значении, предложенном археологом Ю.А. Смирновым, и подразумевает «...погребение, содержащее более трех (одновременно или последовательно) захороненных индивидуумов (независимо от того, какому птомотомическому воздействию были подвергнуты их тела на предваряющем этапе некрологического цикла). Коллективное захоронение может находиться в погребальном сооружении любого типа и представлять собой одноярусное, двух-, трех(и более)ярусное погребение. Оно может быть со стратифицированным, то есть разграниченным, положением погребенных, но может быть и нестратифицированным» [Смирнов, 1997, с. 178].

¹ Т.к. для погребений двух человек существуют отдельные термины – парные и (или) двойные погребения, употребляемые часто в сходном значении, в других же случаях обозначающих разные классификационные единицы; иногда также отдельной категорией выделяют «тройные» погребения.

В качестве синонима мы также используем термин «массовое погребение» (mass grave), в иностранной судебно-медицинской литературе ассоциируемый с захоронениями, содержащими останки нескольких умерших – жертв массовых убийств, военных операций, геноцида и других преступлений [Cox et al., 2008, p. 1].

Массовое погребение в сооружении № 60, на примере которого мы бы хотели показать сложности в регистрации костных останков разной комплектности, было обнаружено в 2007 г. и изучено в 2008 и 2020 г. Ярославской экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой на раскопе «Волжская набережная, дом 1». Оно находилось в 160-165 м к юго-западу от р. Волга

(рис. 1) и было выявлено на отметках от -277 до -280 см от современной дневной поверхности. Представляло собой заглубленную в материк деревянную постройку (погреб/подвал) прямоугольной формы, размерами 660х820 см, ориентированную с северо-запада на юго-восток.

Котлован этой постройки прорезал городской вал XI в. Массовый и индивидуальный материал, зафиксированный в ходе исследования сооружения, относится к первой половине XIII в. Дополнительным независимым источником для определения времени совершения погребения стала серия радиоуглеродных дат, полученных из образцов костной ткани индивидов, захороненных в сооружении № 60 (табл. 1).

Таблица 1. Результаты прямого AMS датирования образцов костной ткани индивидов, погребенных в коллективном захоронении «сооружение № 60»

Table 1. Results of direct carbon dating of bone samples from individuals buried in the mass grave "construction No. 60"

№ п/п	Лабораторный №		Пол	Образец	BP	CalAD (95.4%)
1	UGAMS-35962	Инд. 15	Реб	Кость человека	784±20	1224-1275
2	UGAMS-35963	Инд. 8	Муж	Кость человека	807±19	1218-1269
3	UGAMS-35964	Инд. 18	Жен	Кость человека	759±19	1228-1283
4	UGAMS-35965	Инд. 2	Муж	Кость человека	838±19	1174-1262

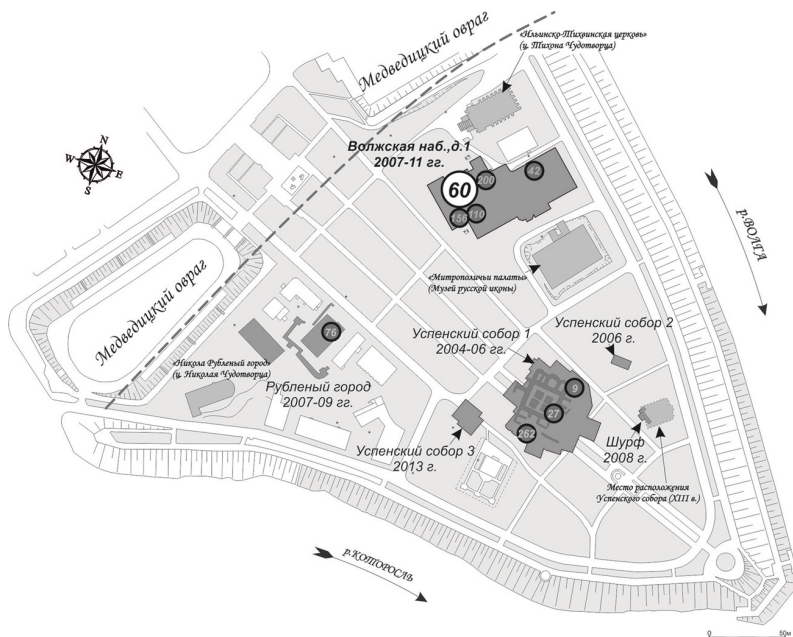


Рисунок 1. Сооружение № 60 и другие коллективные погребения 1238 г. на ситуационном плане территории Кремля г. Ярославля

Figure 1. Construction No. 60 and other collective burials of 1238 on the situational plan of the territory of the Yaroslavl Kremlin

Вероятно, строительство сооружения совпадает с периодом, предшествующему татаро-монгольскому нашествию. После гибели постройки во время захвата города войсками Батухана, ее котлован был использован как вместилище для санитарного захоронения жителей и защитников города, погибших в феврале 1238 г.

Санитарный характер погребения в сооружении № 60 был предположен по аналогии с другими комплексами 1238 г., открытыми на территории детинца Ярославля экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энгватовой в 2005–2010. Причиной для этого послужила неполная комплектность части скелетов, а также нахождение большого количества разрозненных костей и скоплений костей в данном захоронении при отсутствии следов повреждения «могилы» после ее засыпки. Ранее наличие временного промежутка между гибелью и погребением людей в других исследованных на этой территории подобных комплексах было констатировано на основании большого количества посмертных разломов костей [Энгватова с соавт., 2009, с. 77; Buzhilova, Goncharova, 2009, p. 289] и энтомологической экспертизы скопления пупариев мух в заполнении одной из могильных ям и внутри сапога одного из погребенных [Энгватова с соавт., 2012, с. 208].

В статье на основании анализа описаний коллективных захоронений жертв монгольского нашествия в археологических отчетах с учетом опыта зарубежных исследований массовых погребений XX в. предложена оригинальная методика регистрации человеческих останков различной комплектности в полевой археологической документации. Частично методика была апробирована при раскопках коллективного захоронения 1238 г. (в сооружении № 60) на территории детинца средневекового Ярославля.

Результаты

Приступая в 2005 г. к исследованию коллективных погребений санитарного характера времен Батыева нашествия в Ярославле, руководство экспедиции посчитало принятые в отечественной практике (см. раздел Обсуждение) обобщенные описания подобных объектов не соответствующими современному

состоянию методологии археологической науки. Взяв на вооружение разработанные для исследований массовых захоронений стандарты [Hunter, Cox, 2005], останки фиксировались и разбирались по слоям, с фотографированием общих планов ярусов и отдельных костяков, максимально детальной прорисовкой положений скелетов и их частей. В подписях как «индивидов», так и разрозненных костей указывались локализация (квадраты) и глубины залегания [Архив ИА РАН. Р-1. № 00824; Архив ИА РАН. Р-1. № 00846; Архив ИА РАН. Р-1. № 01033; Архив ИА РАН. Р-1. № 00213; Архив ИА РАН. Р-1. № 00659; Архив ИА РАН. Р-1. № 00838]. Кроме того, был также учтен опыт использования цветовой градации, предпринятой при изучении коллективного захоронения в Пшедмости Б. Клима в 1991 [Klima, 1991], что позволило на полевых чертежах и схемах детализировать позы погребенных и наглядно представлять комплектность останков. С 2020 г., помимо обязательной фотофиксации, при работе с массовыми погребениями нами начал также применяться метод фотограмметрии, позволяющий получать трехмерные модели объектов и вписывать их в общий ортофотоплан раскопа.

Все останки, находящиеся в анатомическом сочленении (невзирая на комплектность), а также большие скопления костей ввиду отсутствия специальной принятой для их обозначения терминологии, в 2008 г. фиксировались в первичной археологической документации как индивиды (рис. 2, 3). Всего так было промаркировано 20 «скоплений костей», среди которых было лишь четыре относительно целых скелета (инд. № 2, 8, 15, 18). Еще четыре скопления (инд. № 1, 16(3), 19, 20), представляли собой части скелетов, такие как лежащие в анатомическом порядке кости туловища, верхние или нижние конечности. «Индивидами» также были обозначены изолированные черепа и нижние челюсти (№ 4–7, 10, 12, 16(2)). Еще как шесть «индивидов» были зафиксированы объемные скопления костей, находящихся не в анатомическом порядке, но представляющих с точки зрения археолога отдельную целостность (№ 3, 9, 11, 13, 14, 16(1)).

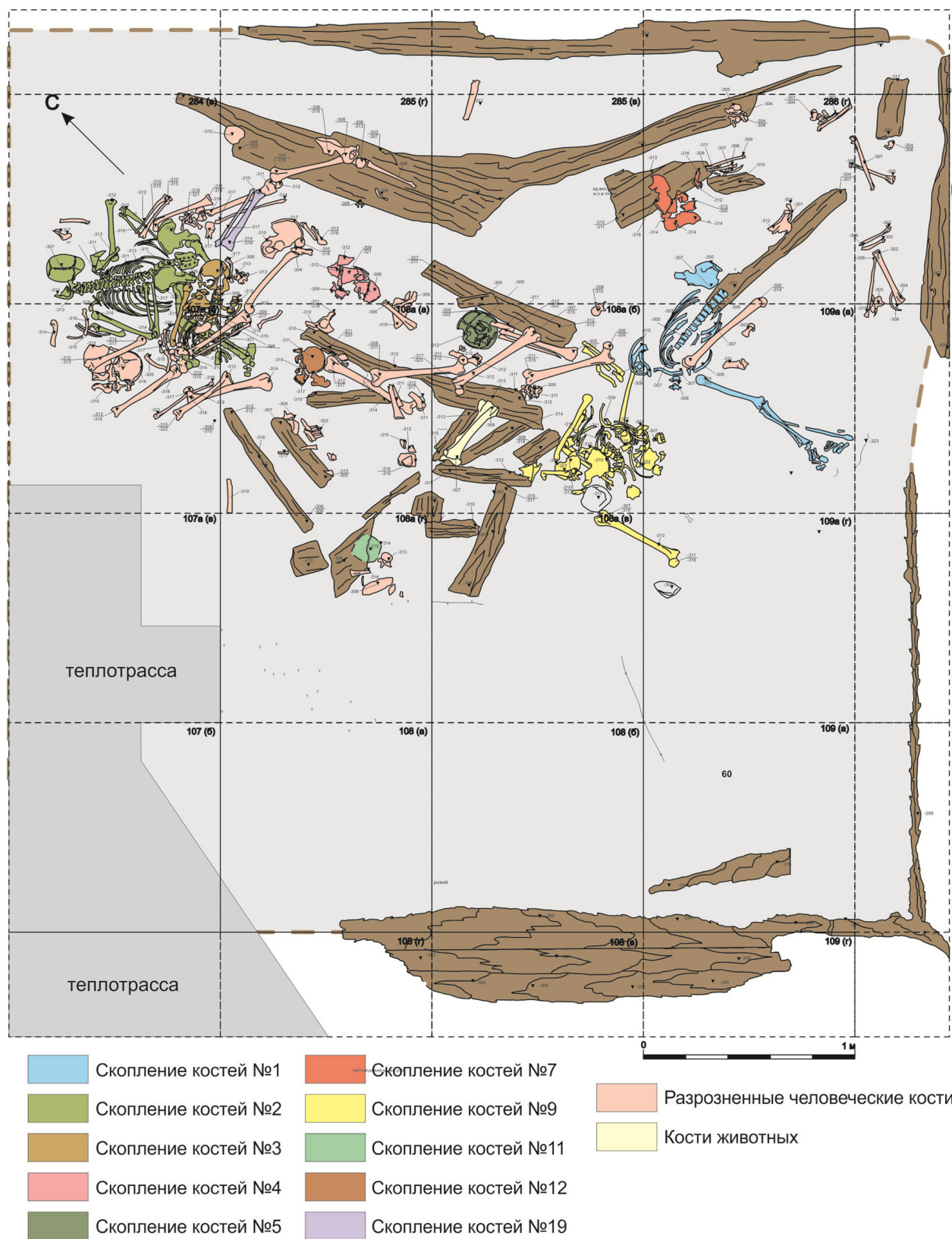


Рисунок 2. Сооружение № 60 (исследования 2008 г.). План первого яруса костяков
 Figure 2. Construction No. 60 (research in 2008). Plan of the first tier of skeletons



Рисунок 3. Сооружение № 60 (исследования 2008 г.). План второго яруса костяков
 Figure 3. Construction No. 60 (research in 2008). Plan of the second tier of skeletons

В 2020 г., при доисследовании сооружения 60, нами была предпринята попытка ввести новые наименования, которые могли бы быть использованы вместо устоявшегося, но зачастую дающего ложное представление о комплектности останков, термина «индивид». Для поисков оптимального, «рабочего» варианта нового термина мы снова обратились к опыту зарубежных исследователей массовых захоронений.

Согласно одному из самых подробных «Стандартов» (SOP's) работы с массовыми погребениями, учету должны подлежать целые костяки («В» – body) и части скелета («ВР» – body part), а разрозненные кости могут быть собраны с указанием локализации в захоронении [Cox et al. 2008, p.52]. При таком подходе, однако, без внимания остаются «скопления костей», присутствие которых характерно для массовых захоронений санитарного характера. Кроме того, образование таких скоплений возможно и при частичном разрушении погребений в ходе природных процессов или антропогенного воздействия.

В специализированном руководстве для судмедэкспертов и биоархеологов, работающих с массовыми захоронениями и нацеленных на рационализацию последующего ДНК-анализа [Skinner et al., 2003], предлагалось при выборке и регистрации останков учитывать три их категории: 1 – все «сочлененные останки»; 2 – самый «распространенный» в погребении скелетный элемент; 3 – другие останки, явно не включенные в предыдущие (например, ребенка). Судя по нашим наблюдениям, при работе с массовыми захоронениями санитарного характера, заранее определить какая категория костей окажется наиболее распространенной в каждом из них не представляется возможным [Тарасова, 2019, с. 93-113]. Кроме того, в больших погребениях, где представлены останки нескольких десятков человек разного возраста, третью упомянутую здесь категорию вычленить может не удастся, ввиду присутствия нескольких индивидов в каждой возрастной когорте.

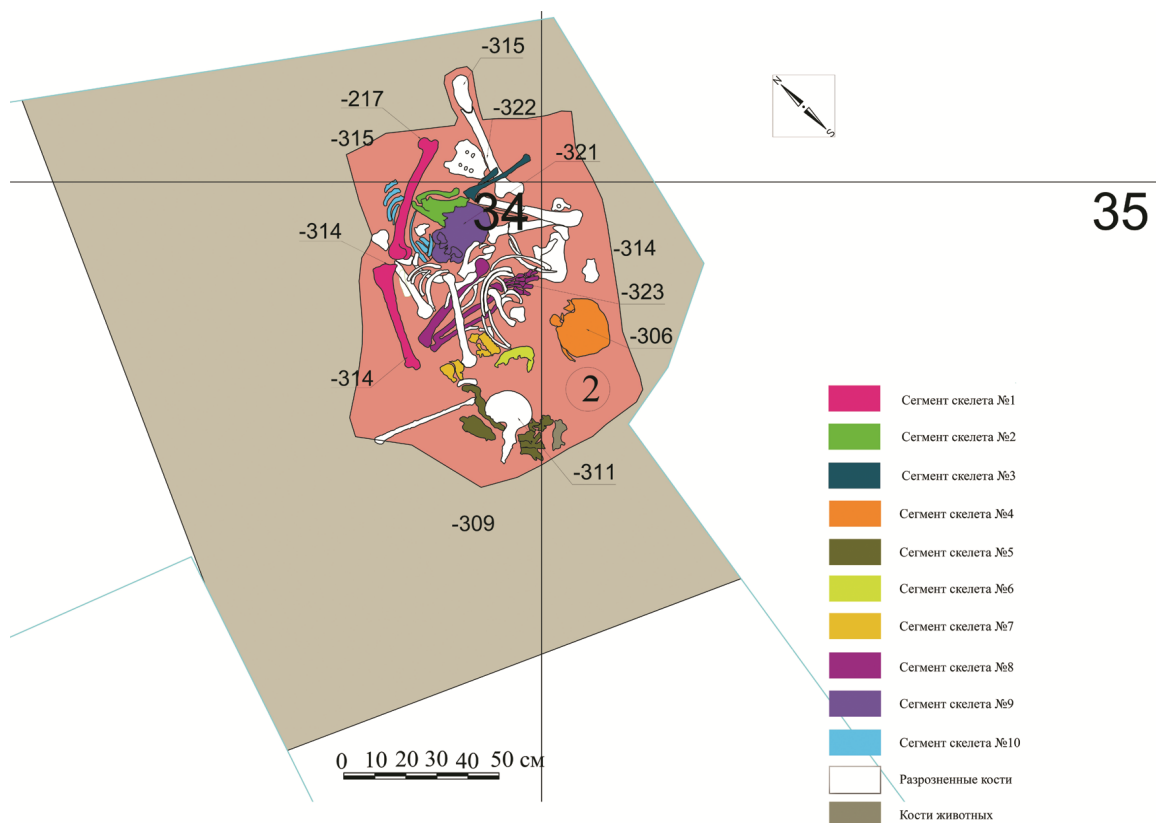


Рисунок 4. Сооружение 60 (исследования 2020 г.). План скопления скелетированных останков

Figure 4. Construction No. 60 (research in 2020). Skeletonized Remains Cluster Plan

Осознавая эти ограничения предлагаемых на данный момент методов учета человеческих останков в массовых захоронениях, мы попытались разработать свою систему регистрации, основанную на дифференцированном описании всех видов их депонирования.

В ходе изучения части коллективного захоронения в сооружении № 60, обнаруженной 2020 г., полных костяков зарегистрировано не было. Найденные в сочленении 10 частей скелетов были отмечены на чертеже различными цветами и маркированы как «сегменты скелета» (рис. 4). Разрозненные кости не составляли отчетливых скоплений, они были помечены одним цветом и регистрировались с указанием номеров квадратов и глубин.

При совокупном рассмотрении чертежей 2008 и 2020 г. мы обратили внимание на то, что оба примененные нами подхода имеют свои недостатки. В 2008 г. все антропологические материалы, будь то целые костяки или их части, назывались «индивидами», что запутывало описание захоронения после аналитического подсчета количества погребенных антропологом, но позволяло маркировать на чертежах все виды депонирования останков. При дифференциации останков по комплектности и «виду» депонирования (скелет, часть скелета, скопление костей, разрозненные кости) встал вопрос о нумерации выделенных категорий. Очевидно, что если бы найденная в 2020 г. часть захоронения была бы более объемна и содержала все возможные виды залегания остеологических материалов, их «сквозное» нумерование, так же как нумерование каждой категории с единицы, могло запутать процесс регистрации непосредственно «в поле» и привести к дальнейшим проблемам с описанием погребения.

Для решения вопроса о методе учета, позволившем бы исключить эти недостатки, при написании данной статьи мы обратились к археологической практике разделения индивидуального и массового материала.

Очевидно, что для детального описания стратиграфии и планиграфии (или, в общем, положения) останков, любой вид их депонирования, будь то скопления костей, сохранившие анатомический порядок конечности, кости правой или левой стороны туловища и т.д., является

индивидуальной находкой, за исключением разрозненных костей² (рис. 5).

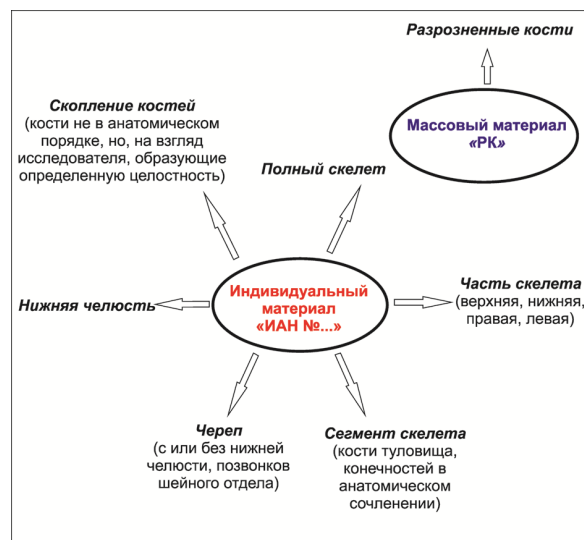


Рисунок 5. Схема определения индивидуального и массового антропологического материала в коллективных захоронениях санитарного характера

Figure 5. Scheme for the determination of individual and mass anthropological material in collective burials of a sanitary nature

Примечания. Используемые сокращения: ИАН – индивидуальная антропологическая находка; РК – разрозненные кости.

Notes. Abbreviations used: IAN – individual anthropological find; RK – scattered bones.

Эта последняя категория при работе со всеми обнаруженными на территории детинца Ярославля коллективными захоронениями маркировалась нами по аналогии с массовым археологическим материалом (с указанием квадрата и глубины залегания). Остальные категории фиксировались как индивидуальные находки, что и было необходимо для их детального описания и дальнейшей «персонифицированной» работы с применением современных методов анализа антропологических материалов. Лишь

² Изолированные черепа и нижние челюсти предлагается также рассматривать как индивидуальную находку с целью сохранения информации об их локализации, а также облегчения дальнейшей работы антропологов по описанию антропологических материалов и отбору образцов для изотопных исследований и, возможно, молекулярно-генетической экспертизы

Таблица 2. Описание индивидуальных находок человеческих останков в массовом погребении
Table 2. Logbook of individual finds of human remains in a mass grave

ИАН №	Комплектность (вид депонирования)	Квадрат	Пласт	Глубина (см)	Положение	Примечания
1	Полный костяк	3	3, 4	-225/-256	Располагался на спине, руки вытянуты вверх и разведены в стороны. Нижняя половина костяка уходит под ИАН №2	Отсутствуют некоторые кости правой кисти
2	Скопление костей	4,6	3	-220/-240	—	Скопление костей верхних и нижних конечностей, ребер

Примечания. Используемые сокращения: ИАН – индивидуальная антропологическая находка
 Notes. Abbreviations used: IAN – individual anthropological find

неподходящий термин для их именования приводил к описанным выше затруднениям.

Использование сквозной нумерации для любой категории останков, кроме разрозненных костей, подразумевает общее название нумеруемого объекта. Общим для всех вышеупомянутых видов депонирования человеческих костей, на наш взгляд, является как раз термин «останки», применение которого, однако, может привести к трудностям на этапе описания погребения. Еще одним альтернативным вариантом может быть название, аналогичное принятому для обозначения материала в археологии, – «индивидуальная антропологическая находка», которое мы и предлагаем к использованию. Кроме того, для облегчения дальнейшей работы с материалами захоронения, мы предлагаем ввести полевую опись, в которой в соответствии с нумерацией будут указаны комплектность или «вид» депонирования (полный скелет, часть скелета, череп, скопление костей и пр.) останков, их локализация (квадрат, пласт, глубина), а также данные о положении *in situ* и других возможных особенностях, фиксируемых в момент их обнаружения. Пример такой описи предложен в таблице 2.

Обсуждение

По наблюдениям зарубежных археологов и судебно-медицинских экспертов, эксгумация массовых захоронений, в связи со случаями массовых убийств XX столетия, становится частым явлением во всем мире [Skinner et al., 2003; Steel, 2008]. Ими отмечается, что для ис-

следования такого рода захоронений необходим специфический опыт и сочетание археологических и биоархеологических (антропологических) навыков, а также использование методов судебной медицины [Stover, 1985; Skinner et al., 2003]. Каролин Стил в 2008 году обратила внимание, что при том, что методы археологии вносят существенный вклад в исследование обстоятельств и интерпретацию массовых захоронений в целом, проблемы и особенности их изучения по разным причинам не часто обсуждаются в специализированной археологической литературе и на профильных научных конференциях [Steel, 2008, p. 417, 419, 420]. При этом, все же, существуют стандарты (Standart Operating Procedures, сокращенно SOP's), предназначенные для широкого круга специалистов [Cox et al., 2008], и методические рекомендации для археологов [Hunter, Cox, 2005], и биоархеологов и судмедэкспертов [Skinner et al., 2003], по исследованию массовых захоронений.

В современной зарубежной практике научного изучения массовых захоронений жертв войн, геноцида, массовых убийств, а также в работе на месте инцидентов с большим числом жертв, связанных с террористическими атаками, природными, авиа или иными техногенными катастрофами, исследовательские коллективы фиксируют все максимально детально с целью не только реконструировать историю и события прошлого, но и для возможности использования отчетов о раскопках в юридических (судебных) целях. При этом важным принципом является «удовлетворение гуманитарных нужд в локализации и идентификации» человеческих останков [Cox et al.,

2008, р. 1]. Этот принцип, на наш взгляд, существенно влияет на подход к методам учета останков в первичной полевой документации.

Обратившись к опыту регистрации человеческих останков в коллективных захоронениях жертв войск Батыя для выработки стратегии раскопок и описания обнаруженных ярославской экспедицией ИА РАН массовых погребений, мы столкнулись с проблемой, обусловленной целеполаганием археологических раскопок в нашей стране вне зависимости от специфики раскапываемых объектов. Так, в отечественной практике работы с коллективными захоронениями, как правило, значение придавалось лишь необходимости реконструкции времени (датировки) и событий прошлого, приведших к возникновению погребения такого типа. Это соответствует принятой и на сегодняшний день общей цели археологических работ, анонсированной в актуальном «Положении о порядке проведения археологических полевых работ ...» – изучению и сохранению объектов археологического наследия [Положение о порядке проведения ..., 2018, с. 17].

Обусловленное этой целью детальное описание стратиграфии и планиграфии раскопа, на котором было найдено массовое захоронение, места (сооружения, ямы и пр.), в котором оно было совершено, а также вещевого комплекса, происходящего как непосредственно из него, так и из подстилающих и перекрывающих его слоев, сильно контрастирует с зачастую обобщенным описанием человеческих останков. Кости человека в условиях отсутствия визуальной определяемой «рядности» долгое время фиксировались и извлекались по аналогии с находками различных объектов, именуемых в археологической документации скоплениями. При обнаружении таких объектов все депонированные в них артефакты, будь то керамика, украшения, или кости животных или человека и др., собирались не дифференцированно и описывались как множество аналогичных или различных по своей природе археологических предметов³.

³ термин используется в значении, определенном в Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (2018 г)

Ярким примером может служить описание найденного в 2011 г. массового захоронения жертв монгольского нашествия на улице Златовратского во Владимире (раскоп 1, яма № 16). Детали расположения, конструкции и перечень артефактов из заполнения ямы, послужившей вместилищем для останков, занимают 4 абзаца, при этом положение найденных человеческих останков описано кратко: «также при разборе заполнения ямы расчищены человеческие скелеты, беспорядочно уложенные в 4 яруса (на гл. -120/-210 см, рис. 81,82,123)» [Научно-отраслевой АРХИВ ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 30020, с. 39-40].

Обобщенные, не детализированные описания человеческих останков в коллективных захоронениях санитарного характера являются, на наш взгляд, традиционно принятыми в археологической практике работы с захоронениями жертв монгольского нашествия еще с конца XIX в. Так, в отчете об исследовании в 1892 г. Великокняжеского двора в Киеве приведена следующая характеристика найденного во рву массового погребения жертв осады города войсками хана Батыя: «...показался, на трех с половиной аршинной глубине, сплошной пласт в аршин толшины костей человеческих в несколько тысяч скелетов, в особенности много их было на середине к правой стороне. ... К левой также много было скелетов, но слой костей был тоньше, не столь густо они были здесь свалены» [Хойновский, 1893, с. 16].

М.К. Каргер в 1950-е гг. находки человеческих останков на территории археологического памятника Городище, расположенного у восточной окраины с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. (Украина), отождествляемого им с первым территориальным местоположением Изяслава, описывал следующим образом: «По всей площади городища лежат как отдельные человеческие скелеты в разнообразных положениях, так и значительные скопления человеческих скелетов или частей их (верхняя или нижняя часть туловища, голова с частью позвоночника и пр.)» [АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 1668, с. 8]. Продолжая раскопки на этом же памятнике, исследователь каждый раз упоминал найденные останки в подобном ключе [АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 1836, с. 6; АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 2071, с. 5, 6], отмечая,

что наибольшая их концентрация тяготела к остаткам сгоревших жилищ, нередко рядом со скелетами обнаруживались скопления предметов материальной культуры, а после снятия все человеческие скелеты и отдельные кости изымались для последующих антропологических исследований.

На наш взгляд, подобный подход к учету останков обусловлен несколькими причинами. Одна из них описана выше, и заключается в сути задач, которые решаются методами археологии. Вторую же можно предположить, анализируя описания находок коллективных захоронений жертв монгольского нашествия. Сталкиваясь с большими массовыми погребениями санитарного характера, археологи и археологические художники, вероятно, испытывали определенные трудности в дифференциации костяков, что можно заключить, например, сравнивая рисунок и описание массового погребения во рву Великокняжеского двора в Киеве. В тексте отчета о его исследовании читаем: «Совсем к правой стороне я различил скелет взрослого человека, а на нем другой скелет подростка, скорченных, лежащих голова на голове, возле них черный глиняный горшок, <...>. Около упомянутых двух прежних лежало несколько скелетов других, а при них стояли глечики для воды» [Хойновский, 1893, с. 16]. Однако при рассмотрении нами рисунка описываемого массового захоронения ни одного сколько-нибудь целостного скелета выделить оказалось невозможно.

О том же косвенно свидетельствует определение коллективных погребений на археологическом памятнике Городище как «костища», представляющие собой «остатки груд человеческих останков, собранных вскоре после разгрома городища и присыпанных сверху землей» [АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 2071, с. 6].

Дело обстоит иначе, если при раскопках обнаруживаются немногочисленные скелеты или разрозненные кости в исследуемых слоях. Тогда комплектность останков описывалась максимально детально, будь то скелеты, их части или скопления разрозненных костей. Так, например, подробно прорисованы и описаны были костяки и разрозненные кости, найденные в 1952 г. Куйбышевской археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова в сто-

лице государства волжских болгар – г. Болгаре. В яме, представляющей из себя естественное углубление, на границе домонгольского и золотоордынского слоя, исследователь зафиксировал останки нескольких человек, чьи трупы, вероятно, были сброшены туда при приведении в порядок города после его разрушения в 1236 г. монголами: «Один костяк лежал на животе, головой на Ю-З, с левой полусогнутой рукой, лежащей на плече второго. Ноги костяка полусогнутые лежали в направлении к Ю-В. Второй костяк лежал влево от предшествующего, на спине, головой на Ю-З; руки и ноги полусогнуты. Рядом лежали кости левой ноги человека, а за черепом – отдельные кисти рук. Рядом с этими остатками на том же уровне домонгольского слоя находились два черепа, один без нижней челюсти и второй с шейными позвонками, лежащими в анатомическом порядке» [АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 680, с. 29].

Помимо очевидных трудностей с дифференциацией останков по индивидам, связанных с санитарным характером массовых захоронений со множеством жертв монгольского нашествия на древнерусских городищах, стоит также предположить, что отсутствие традиции регистрации и разборки их по слоям и «костякам» связано также (в-третьих) с существенными временными затратами и трудностями с расчисткой и прорисовкой скелетов или их фрагментов, порой сохранивших анатомический порядок лишь частично, и находящихся в непредсказуемых позах, как в целом, так и относительно друг друга.

Четвертой, главной на наш взгляд, причиной отсутствия особой тщательности при учете и разборке останков в массовых захоронениях, является необоснованность и непонимание необходимости такой тщательности. Так, для подсчета численности погребенных, а также для классического краниологического анализа, антропологу не обязательно иметь дело с дифференцированными по «индивидам» останками. Как и в археологии, в антропологии такой подход складывался в XIX – сер. XX вв. В то время в российской науке антропологические исследования проводились исключительно на основе краниологических измерений, иногда с незначительным привлечением остеометрических данных. Этот факт объясняется многими причина-

ми, одной из которых является пренебрежение археологов начала XX века к сбору всего остеологического материала. В.П. Алексеев, с именем которого связана существенная переоценка перспектив изучения палеоантропологического источника, в 1966 году также среди причин отмечал значительную трудоемкость исследования посткраниального скелета (состоящего более чем из 180 костей) и многообразие остеометрических приемов, которые, к тому же, не были сведены в каком-либо одном обобщающем труде [Алексеев, 1966]. На современном этапе разнообразие методов и методик, которые могут быть применены при изучении скелетированных человеческих останков, еще более увеличивает. Анализ морфологии скелета в целом, изучение аномалий и патологических проявлений, изотопного состава костной и зубной ткани, молекулярно-генетические методы и рентгенография открывают новые возможности как для исследований на популяционном уровне, так и для перехода на уровень индивидуальный.

Еще в 1990-е в рамках биоархеологического и палеоэкологического подхода было констатировано, что специфику палеопопуляции возможно понять лишь как структурное объединение индивидов [Историческая экология человека ... , 1998, с. 8]. Это объяснялось, в первую очередь, сложным многоуровневым социальным устройством общностей прошлых исторических эпох, которая подразумевала связь социального уровня и (или) профессиональной ориентации с культурной принадлежностью индивида. По мнению авторов, применение комплекса различных методов, которыми оперирует современная палеоантропология, к изучению отдельного костяка ставит индивида и популяцию на один уровень по степени информативности [Историческая экология человека ... , 1998, с. 8].

В современной зарубежной «биоархеологии»⁴ также обосновывались возможности и необходимость делать акцент на изучении отдельных людей, а не групп или культур, т.к. эволюция популяции происходит благодаря вариациям,

генерируемым на индивидуальном уровне [Zvelebil, Pettiitt, 2008; Zvelebil, Weber, 2013].

Безусловно, как уже отмечалось выше, максимально возможная «персонификация» также является не нуждающейся в обосновании при работе с коллективными захоронениями жертв массовых преступлений XX вв.

На существенные потери для исторической интерпретации отсутствия данных о стратиграфическом положении антропологических останков в коллективных захоронениях, обращаясь к проблеме информативности исследований коллективных захоронений вообще, указывала А.П. Бужилова [2010].

Заключение

Коллективные захоронения – неординарный, но встречающийся во все исторические эпохи тип неодинокных погребений [Смирнов, 1997; Бужилова, 2010]. При работе со средневековыми массовыми погребениями жертв монгольского нашествия, зачастую обладающими спецификой, связанной с санитарным захоронением трупов спустя различные промежутки времени после гибели людей, нами было обращено внимание на отсутствие подходящей терминологии для регистрации в полевой археологической документации человеческих останков, представляющих собой отдельные сегменты скелета и скопления разрозненных костей. Отчасти, это обстоятельство, а также отсутствие при разборке подобных погребений специалиста-антрополога, обуславливает «упрощенное» описание захоронения как «яма с убитыми» и может приводить к полному отсутствию попыток дифференциации останков и какой-либо их нумерации для последующего установления их местоположения.

С развитием методов антропологии, палеопатологии, изотопных исследований, молекулярно-генетического анализа и, в целом, комплексного, биоархеологического (контекстуального) подхода, должны совершенствоваться и изменяться способы регистрации антропологического материала с целью сохранения его потенциала как источника знаний о событиях, людях и, в целом, обществе прошлых эпох.

⁴ См. краткий обзор определения термина и истории направления в: Добровольская, Свиркина, 2018, с. 12, 13

С учетом зарубежного опыта работы с массовыми захоронениями, а также используя традиционно принятые в археологии методы регистрации индивидуального и массового материала мы предлагаем новый общий термин для наименования антропологических находок разной степени комплектности. Его использование будет актуально для коллективных захоронений, останки в которых по каким-либо причинам были переотложены или изначально погребались уже на стадии разложения, вследствие чего были значительно фрагментированы. Обобщающим все возможные виды депонирования и комплектности остеологического материала в захоронениях такого типа, на наш взгляд, являются термины «индивидуальная антропологическая находка» или «останки», которые мы и предлагаем к применению. Кроме того, более детальному описанию массовых захоронений может способствовать составление полевой описи таких находок, включающей, помимо информации о локализации, обязательные разделы *комплектность (вид депонирования), положение, примечания*.

Использование данного метода не только позволит точнее описывать положение и комплектность человеческих останков в массовых захоронениях санитарного характера или коллективных погребениях, разрушенных вследствие антропогенных или иных факторов, и содержащих костяки разной комплектности, но и соответствует современной концепции контекстуального подхода в археологии.

Библиография

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 1966. 251 с.

Бужилова А.П. К вопросу об информативности исследований коллективных погребений // Краткие сообщения Института археологии, 2010. Вып. 224. С. 77–84.

Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). М.: Товарищество научных изданий КМК. 2018. 233 с.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. 1998. 260 с.

Кабаев Д.А. Отчет о раскопках в г. Владимир в 2011 году (Раскоп 1, по ул. Златовратского) // АРХИВ ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 30020.

Каргер М.К. Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ЛГУ в 1957 г. // АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 1668.

Каргер М.К. Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского гос. университета в 1958 г. // АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 1836.

Каргер М.К. Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Ленинградского гос. университета им. А.А. Жданова в 1959 г. АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 2071.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях. М.: ИА РАН. 2020. 112 с.

Осипов Д.О. Отчет «Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 году» // Архив ИА РАН. Р-1. № 00824.

Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н. Отчет "Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2006 году" // Архив ИА РАН. Р-1. № 00846.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. М.: ИА РАН. 2018. 63 с.

Рафикова Я.В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Дисс. ... канд. ист. наук, кн. I, 2008, 215 с.

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Волошинов А.А., Тарасова А.А. с соавт. Два необычных захоронения эпохи позднего средневековья в Бахчисарайском районе Республики Крым // Краткие сообщения Института археологии, 2019. Вып. 256. С. 293–307.

Смирнов А.П. Отчет Куйбышевской экспедиции за 1952 г. // АРХИВ ИИМК АН СССР. Р-1. № 680.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997. 279 с.

Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука. 1991. 344 с.

Тарасова А.А. Население Ярославля по материалам раскопок массовых захоронений времени Батыева нашествия: Дисс. ... канд. ист. наук, том I, 2019, 235 с.

Фараджеева Н.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Рубленого Города в г. Ярославле по адресу ул. Челюскинцев, стр. 2 в 2007 году. Раскоп "Рубленый Город-1". // Архив ИА РАН. Р-1. № 01033;

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1966. 48 с.

Хлобыстина М.Д. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // Краткие сообщения Института археологии, 1982. Вып. 169. С. 13–20.

Хойновский И.А. Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Археологически-историческое исследование. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1893. 133 с.

Шведчикова Т.Ю. Санитарное захоронение участников Бородинского сражения в с. Колоцкое: результаты исследований 2016 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мате-

риалы XXI Международной научной конференции. М., 2018 С. 402–413.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1) в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 00213.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д.1 в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 00659.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльной набережной, 1 (на участке строительства) Рублennyй город II – 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 00838.

Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская

археология, 2009. № 2. С. 68–78.

Энговатова А.В., Антипина Е.Е., Власов Д.В., Добровольская М.В. с соавт. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы. Ярославль: Издательство Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, 2012. С. 185–208.

Сведения об авторах

Энговатова Ася Викторовна, к.и.н.;
ORCID ID: 0000-0003-3109-2764; engov@mail.ru;

Тарасова Анна Анатольевна, к.и.н.;
ORCID ID: 0000-0001-5469-2629; taa-volga@yandex.ru.

Поступила в редакцию 22.11.2021,
принята к публикации 13.12.2021.

Engovatova A.V., Tarasova A.A.

*Federal State Institution of Science
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russia*

ON THE ISSUE OF REGISTRATION OF HUMAN REMAINS IN MASS GRAVES OF A SANITARY NATURE AT THE STAGE OF FIELD WORK

Introduction. *Choosing a strategy for registration of human remains in collective sanitary burials found on the territory of the Yaroslavl Kremlin, we noticed the absence of special terminology for marking the partially preserved skeletons, segments of the skeletons, and accumulations of bones which are often found in them. The use of designations accepted in Russian archeology, such as "individual" or "skeleton", for their marking, leads to a number of problems. Ultimately, this is the reason for significant losses in the information content of the anthropological source for bioarchaeological and historical reconstructions.*

Materials and methods. *Based on the analysis of the descriptions of collective burials of the victims of the Mongol invasion in archaeological reports, taking into account the experience of foreign researchers of mass burials of the 20th century, an original method of fixing human remains of various completeness is proposed. Approbation of the methodology is described on the example of a study (2008, 2020) of a collective burial in 1238 in the archaeological object "construction No. 60" on the territory of the Yaroslavl Kremlin.*

Results. *To resolve the issue of the method of registration of remains of different completeness, we turned to the archaeological practice of separating individual and mass material. As well as for individual archaeological finds, it is proposed to introduce a field logbook of "individual anthropological finds", in which they will be numbered and described with an indication of their completeness ("type" of deposition), localization and in situ position. The use of continuous numbering implies the general name of the numbered object, which, in our opinion, can be a name similar to that adopted for an individual material in archeology – "individual anthropological find".*

Conclusion. *The application of the proposed method will make it possible to more accurately describe the position and completeness of anthropological materials in mass graves of a sanitary nature or collective burials destroyed due to anthropogenic or other factors and containing redeposited remains. A careful description and maximum "personification" with this approach will contribute to the realization of a paleoanthropological material as a source for bioarchaeological and historical reconstructions. This corresponds to the modern contextual approach in archeology, aimed at a comprehensive study of the communities of the past based on a detailed analysis of all types of sources discovered during excavations.*

Keywords: mass graves; collective burials; graves of a sanitary nature; individual anthropological findings; remains; contextual approach; bioarchaeological reconstructions

References

- Alekseev V.P. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methods of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 251 p. (In Russ.).
- Buzhilova A.P. K voprosu ob informativnosti issledovaniy kolektivnykh pogrebeniy [On the informativeness of the investigations of collective burials]. In *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii* [Brief communications of the institute of archaeology]. Moscow, IA RAS Publ., 2010, 224, pp. 77–84. (In Russ.).
- Dobrovol'skaya M.V., Svirkina N.G. *Zhiteli antichnoy Fanagorii (rekonstrukciya obraza zhizni po paleoantropologicheskim materialam)* [Inhabitants of ancient Phanagoria (reconstruction of the way of life based on paleoanthropological materials)]. Moscow, KMK Scientific Press Ltd. Publ., 2018. 233 p. (In Russ.).
- Istoricheskaya ekologiya cheloveka. *Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical human ecology. Biological research technique]. Moscow, Stariy sad Publ., 1998, 260 p. (In Russ.).
- Kabaev D.A. *Otchet o raskopkakh v g. Vladimir v 2011 godu (Raskop 1, po ul. Zlatovratskogo)* [Report on the excavations in Vladimir in 2011 (Excavation 1, on Zlatovratskogo St.)]. Archive IA RAS, F.1, R.1, 30020. (In Russ.).
- Karger M.K. *Otchet o raskopkakh Galicko-Volynskoy arheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR i LGU v 1957 g.* [Report on the excavations of the Galicia-Volyn archaeological expedition of the IIMK of the USSR Academy of Sciences and Leningrad State University in 1957]. Archive IIMK AS USSR, R-1, 1668. (In Russ.).
- Karger M.K. *Otchet o raskopkakh Galicko-Volynskoy arheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR i Leningradskogo gos. universiteta v 1958 g.* [Report on the excavations of the Galicia-Volyn archaeological expedition of the IIMK Academy of Sciences of the USSR and the Leningrad State University in 1958]. Archive IIMK AS USSR, R-1, 1836. (In Russ.).
- Karger M.K. *Otchet o raskopkakh Galicko-Volynskoy arheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR i Leningradskogo gos. universiteta im. A.A. Zhdanova v 1959 g.* [Report on the excavations of the Galicia-Volyn archaeological expedition of the IIMK Academy of Sciences of the USSR and the Leningrad State University named after A.A. Zhdanov in 1959]. Archive IIMK AS USSR, R-1, 2071. (In Russ.).
- Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh* [Methodology for working with paleoanthropological materials in the field]. Moscow, IA RAS Publ., 2020. 112 p. (In Russ.).
- Osipov D.O. *Otchet «Ohrannnye arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya na meste vossozdaniya Uspenskogo sobora v g. Yaroslavl v 2005 godu»* [Report "Security architectural and archaeological research at the site of the reconstruction of the Uspensky Cathedral in Yaroslavl in 2005"]. Archive IA RAS, R-1, 00824. (In Russ.).
- Osipov D.O., Faradzheva N.N. *Otchet "Ohrannnye arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya na meste vossozdaniya Uspenskogo sobora v g. Yaroslavl v 2006 godu"* [Report "Security architectural and archaeological research at the site of the reconstruction of the Uspensky Cathedral in Yaroslavl in 2006"]. Archive IA RAS, R-1, 00846. (In Russ.).
- Polozhenie o poryadke provedeniya arheologicheskikh polevykh rabot i sostavleniya nauchnoy otchyotnoy dokumentatsii* [Regulations on the procedure for conducting archaeological field work and drawing up scientific reporting documentation]. Moscow, IA RAS Publ., 2018. 63 p. (In Russ.).
- Rafikova YA.V. *Sovmestnye pogrebeniya epohi pozdnej bronzy na YUzhnom Urale* [Joint burials of the Late Bronze Age in the South Urals] PhD in Historical Thesis. I. Izhevsk, 2008. 215 p. (In Russ.).
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Voloshinov A.A., Tarasova A.A. et al. *Dva neobychnykh zahoroneniya epohi pozdnego srednevekov'ya v Bahchisarajskom rajone Respubliki Krym* [Two unusual graves of the late medieval period from the Bakhchisaray district of the Republic of Crimea]. In *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii* [Brief communications of the institute of archaeology]. Moscow, IA RAS Publ., 2019, 256, pp. 293–307. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.256.293-307. (In Russ.).
- Smirnov A.P. *Otchet Kujbyshevskoy ekspeditsii za 1952 g.* [Report of the Kujbyshev expedition for 1952]. Archive IIMK AS USSR, R-1, 680. (In Russ.).
- Smirnov YU.A. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar'* [Labyrinth: Morphology of Intentional Burial. Research, texts, vocabulary]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 279 p. (In Russ.).
- Smirnov YU.A. *Must'erskie pogrebeniya Evrazii: Vozniknovenie pogrebal'noy praktiki i osnovy tafologii* [Moustertian Burials of Eurasia: The Emergence of Burial Prac-

tice and the Basics of Tafology]. M., Nauka, 1991. 344 p. (In Russ.).

Tarasova A.A. *Naselenie YAroslavlya po materialam raskopok massovykh zahoronenij vremeni Batyeva nashestviya* [The population of Yaroslavl based on materials from the excavations of mass graves of the time of the Batu invasion] PhD in Historical Thesis. I. Moscow, 2019, 235 p. (In Russ.).

Faradzheva N.N. *Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Rublenogo Goroda v g. YAroslavle po adresu ul. Chelyuskincev, str. 2 v 2007 godu. Raskop "Rublenyj Gorod-I"* [Report on protective archaeological research on the territory of the Rubleny Gorod in Yaroslavl at Chelyuskintsev st., p. 2 in 2007. Rubleny Gorod-I excavation site]. Archive IA RAS, R-1, 01033. (In Russ.).

Halikov A.H., Lebedinskaya G.V., Gerasimova M.M. *Pepkinskij kurgan (Abashevskij chelovek)* [Pepkinsky mound (Abashevsky man)]. Yoshkar-Ola: Mari Book House Publ., 1966. 48 p. (In Russ.).

Hlobystina M.D. *YArusnye pogrebeniya Evrazijskoj stepi v bronzovom veke* [Layered burials of the Eurasian steppe in the Bronze Age]. In *Kratkie soobscheniya Instituta arheologii* [Brief communications of the institute of archaeology], 1982, 169, pp. 13–20. (In Russ.).

Hojnovskij I.A. *Raskopki Velikoknyazheskogo dvora drevnego grada Kieva, proizvedennye vesnoj 1892 goda. Arheologicheskii-istoricheskoe issledovanie* [Excavations of the Grand Ducal Court of the ancient city of Kiev, carried out in the spring of 1892. Archaeological and historical research]. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko Publ., 1893. 133 p. (In Russ.).

SHvedchikova T.YU. Sanitarnoe zahoronenie uchastnikov Borodinskogo srazheniya v s. Kolotskoe: rezul'taty issledovaniy 2016 g. [Sanitary burial of the participants of the Borodino battle in the village. Kolotskoye: research results in 2016]. In *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the XXI International Scientific Conference]. Moscow, 2018, pp. 402–413. (In Russ.).

Engovatova A.V. *Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh raskopkakh v g. YAroslavle na meste stroitel'stva otelya Meriott (Volzhskaya naberezhnaya, d. 1) v 2007 godu* [Report on protective archaeological excavations in Yaroslavl at the construction site of the Marriott Hotel (Volzhskaya embankment, 1) in 2007]. Archive IA RAS, R-1, 00213. (In Russ.).

Engovatova A.V. *Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh raskopkakh v g. YAroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d.1 v 2008 godu* [Report on protective archaeological excavations in Yaroslavl at Volzhskaya embankment, 1 in 2008]. Archive IA RAS, R-1, 00659. (In Russ.).

Engovatova A.V. *Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh raskopkakh v g. YAroslavle po adresu: kvartal, ogranichennyy ploshchad'yu Chelyuskincev i Kotorosl'noj naberezhnoj, 1 (na uchastke stroitel'stva) Rublenyj gorod II – 2008 g.* [Report on protective archaeological excavations in the city of Yaroslavl at the address: a quarter bounded by the area of Chelyuskintsev and Kotorosl'naya

embankment, 1 (at the construction site) Rubleny Gorod II – 2008]. Archive IA RAS, R-1, 00838. (In Russ.).

Engovatova A.V., Osipov D.O., Faradzheva N.N., Buzhilova A.P., Goncharova N.N. *Massovoe srednevekovoe zahoronenie v YAroslavle: analiz arheologicheskikh i antropologicheskikh materialov* [Medieval mass graves in Yaroslavl: analysis of archaeological and anthropological materials]. In *Rossiiskaja arheologiya* [Russian archaeology], 2009, 2, pp. 68–78. (In Russ.).

Engovatova A.V., Antipina E.E., Vlasov D.V., Dobrovol'skaya M.V. et al. *Devyat' kolektivnoe zahoronenie 1238 g. na territorii Rublenogo goroda v YAroslavle (rezul'taty kompleksnogo issledovaniya)* [The ninth collective burial in 1238 on the territory of the Rubleny city in Yaroslavl (results of a comprehensive study)]. In *Arheologiya: istoriya i perspektivy* [Archeology: history and perspectives]. Yaroslavl, Yaroslavl State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve Publ., 2012, pp. 185–208. (In Russ.).

Buzhilova A., Goncharova N. A mass grave from a Mediaeval Russian town: the anthropological evidence of a social catastrophe. *Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journees d'anthropologie de Valbonne. Editions apdca, Antibes/Ined, Paris*, 2009, pp. 285–299.

Cox M., Flavel A., Hanson I., Laver J., Wessling R. *The Scientific Investigation of Mass Graves: Towards Protocols and Standard Operating Procedures*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 562 p.

Hunter J., Cox M. *Forensic Archaeology: advances in theory and practice*. London, Routledge, 2005. 233 p.

Klima B. *Das paläolithische Massengrab von Predmosti. Versuch einer Rekonstruktion*. Quartär, 1991. Bd 41/42.

Skinner M., Alempijevic D., Djuric-Srejc M. Guidelines for International Forensic Bio-archaeology Monitors of Mass Grave Exhumations. *Forensic Science International*, 2003, 134, pp. 81–92.

Steele C. Archaeology and the Forensic Investigation of Recent Mass Graves: Ethical Issues for a New Practice of Archaeology. *Archaeologies: Journal of the World Archaeological Congress*, 2008, pp. 414–428.

Stover E. Scientists Aid Search for Argentina's "Desaparecidos". *Science*, 1985, 230, pp. 56–57.

Zvelebil M., Pettitt P. Human condition, life, and death at an early Neolithic settlement: bioarchaeological analyses of the Vedrovice cemetery and their biosocial implications for the spread of agriculture in Central Europe. *Anthropologie*, 2008, XLVI/2-3, pp. 195–218.

Zvelebil M., Weber A. Human bioarchaeology: Group identity and individual life histories — Introduction. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2013, 32 (3), pp. 275–279.

Information about Authors

Engovatova Asya V., PhD; ORCID ID: 0000-0003-3109-2764; engov@mail.ru;

Tarasova Anna A., PhD; ORCID ID: 0000-0001-5469-2629; taa-volga@yandex.ru.